

ТЯЖОЛОЕ ВРЕМЯ

(письмо въ редакцію «Времени»)

Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Пушкинъ

Помните ли вы, милостивый государь, тотъ нумеръ «Гудка», гдѣ между другими совѣтами дѣлается также увѣщаніе г. Страхову прекратить со мною знакомство? Признаюсь вамъ, что увидѣвъ эти коварныя строки, я пришолъ въ большое смущеніе. Давно уже замѣчалъ я, что г. Страховъ неблагосклонно смотритъ на мои письма къ вамъ; несмотря на довольно короткое знакомство со мною, онъ или вовсе не говорилъ объ нихъ, или же отзывался какими-то очень неопредѣленными фразами. А что, подумалъ я, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ послушается совѣта «Гудка»? Вѣдь нынче, говорятъ, печать имѣеть

страшную силу. Не долго думая, я бросился къ г. Страхову.

Дорога была не близкая. Должно быть было грязно, тряско, холодно; но ничего этого я не помню. Дѣло въ томъ, что мало-помалу, меня начинала угрызать совѣсть. Я ѣхаль, глубоко задумавшись. Сталь я припоминать, въ чемъ меня печатно упрекали; вспомнилъ я, что въ одномъ журналѣ меня печатно упрекали; вспомнилъ я, что въ одномъ журналѣ меня назвали мрачнымъ; въ другомъ еще лучше - лишоннымъ гуманности (причемъ въ примѣръ гуманности мнѣ былъ поставленъ П. Л. Лавровъ), въ третьемъ наконецъ меня назвали свирѣпымъ; вспомнилъ я, что меня пространно упрекали въ злости, да еще въ какой! въ чистой злости для злости, подобной чистому искусству для искусства. Неужели, думаль я, эта нерадостная репутація имѣеть какое-нибудь основаніе? Знаю я, очень хорошо знаю, что не могу я равняться гуманностію съ П. Л. Лавровымъ; но чѣмъ выше эта гуманность, тѣмъ больше степеней отдѣляетъ ее отъ

злости. Ужели я стою ниже всѣхъ этихъ степеней? Ужели во мнѣ есть искра злости, которой я не замѣчаю по самообольщенію и которая противъ моей воли проглянула въ моихъ письмахъ? Не можетъ-быть! Въ этихъ письмахъ я кажется занимался самымъ невиннымъ дѣломъ: я наблюдалъ, сравнивалъ, анализировалъ, дѣлалъ выводы; я строжайшимъ образомъ держался логики и стремился къ дѣйствительности... Гдѣ же злоба?

Волнуемый такими мыслями я вошелъ къ г. Страхову. По обыкновению онъ переводилъ Куно Фишера. Думалъ ли онъ о жителяхъ планетъ, - какъ это постоянно утверждаютъ журналы, не могу сказать навѣрное. Тутъ произошелъ между нами разговоръ, который глубоко поразилъ меня и который, съ его позволенія, я передамъ вамъ, какъ фактъ весьма по моему мнѣнію любопытный для наблюдателя и дѣписателя нашей словесности.

- Вотъ, сказалъ я ему, подавая сѣренькій номеръ «Гудка»: - посмотрите-ка что здѣсь написано. Я надѣюсь,

продолжалъ я, запинаясь, что вы однакоже... тѣмъ не менѣе не послѣдуете этому совѣту. Но... я рѣшился по этому случаю все-таки спросить васъ окончательно: какого вы мнѣнія о моихъ письмахъ въ редакцію «Времени»?

- Если вы уже такъ настоятельно требуете, отвѣчалъ онъ, то такъ и быть скажу вамъ прямо мое мнѣніе. Я не считаю вашихъ писемъ чѣмъ-нибудь дурнымъ или вреднымъ. Но признаюсь, я все-таки ими недоволенъ и недоволенъ по причинѣ, которая помоему очень важна: я думаю, что они бесполезны. По моему мнѣнію, они не могутъ производить никакого дѣйствія, ни дурного, ни хорошаго.

- Какъ? воскликнулъ я. Почему же такъ? Вы полагаете, вѣроятно, что они дурно написаны, сбивчивы, неосновательны, вялы...

- Нисколько, нимало! Въ нихъ нѣтъ большихъ недостатковъ этого рода, но зато есть недостатокъ, который несравненно хуже и котораго, какъ я вижу, вы и не подозреваете. Неправда ли, что въ нихъ вы

главнымъ образомъ стараетесь быть логичнымъ, употреблять строгіе, научные приемы, дѣлать точные выводы?

- Конечно, отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ изумленіемъ, хотя не безъ самодовольства. Но какой же тутъ недостатокъ?

- Да такой, что его трудно чѣмъ-нибудь поправить. Такъ какъ вся сила и вся сущность вашихъ писемъ заключается въ логику, то они не имѣютъ почти никакой силы и даже можно сказать никакой сущности.

- Какъ так? Я васъ не понимаю. Развѣ логика чему-нибудь можетъ помѣшать? Вѣдь масло каши не портитъ. Кажется, это вѣрно!

- Вѣрно, да не совсемъ. Скажите, развѣ когда-нибудь люди руководствовались чистою логикою? Развѣ она когда-нибудь имѣла господствующее значеніе? Всегда и вездѣ истина въ ея строгой и чистой формѣ была доступна немногимъ; всегда она была трудна для пониманія, распространялась и дѣйствовала медленно...

- Экую премудрость вы мнѣ проповѣдуете, сказалъ я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. - Слыхали мы это и прежде васъ. Чтоже повашему - сложить руки и молчать?

- Кто же вамъ мѣшаетъ говорить? Пишите все что вамъ угодно. Я говорю только, что ваши писанія не будутъ имѣть никакого значительнаго вліянія. Для этого нужно употреблять другія средства.

- Какія же это, позвольте спросить?

- Странно, если вы ихъ до сихъ поръ не знаете. Развѣ вы не замѣтили еще, что именно имѣетъ вліяніе и пріобрѣтаетъ значеніе? Дѣйствительную, жизненную важность преимущественно имѣетъ то, что болѣе или менѣе уклоняется отъ формы чистой мысли; на примѣръ страсть, одностороннее увлеченіе, фанатическое, слѣдовательно преувеличенное, неправильное, несоразмѣрное поклоненіе какой-нибудь идеѣ. Чтобы заинтересовать людей, чтобы ихъ увлечь, мысль должна непременно воплотиться, должна отказаться отъ своего невозмутимаго

спокойствія и прозрачнаго теченія. Вотъ почему также производятъ такое обширное дѣйствіе прекрасная музыка, романъ, сценическое представленье; все это, какъ вы видите, очень далеко отъ чистой логики.

- Положимъ такъ, сказалъ я, приходя въ раздумье. - Но вѣдь я не претендую на какое-нибудь важное значеніе моихъ писемъ; вы знаете, до какой степени я дѣйствительно скромень. Все-таки я не могу рѣшиться считать ихъ бесполезными. Я согласенъ, что логикой взять много нельзя. Но неужели же вы въ самомъ-дѣлѣ держитесь такого обиднаго мнѣнія, что логика вовсе неумѣстна въ нашей журналистикѣ?

Такой прямой вопросъ, какъ мнѣ показалось, нѣсколько затруднилъ г. Страхова.

- Какъ вамъ сказать? уклончиво отвѣчалъ онъ. - Можетъ быть менѣе умѣстна, чѣмъ многое другое. Посмотрите въ самомъ-дѣлѣ, какъ некстати вы дѣйствуете во многихъ случаяхъ! Гдѣ надобно кричать, - вы разсуждаете; гдѣ

нужно браниться, - вы дѣлаете точные анализы; гдѣ нужно смѣяться, - вы подводите силлогизмы. Чтоже изъ этого выходить? Васъ не слушаютъ, а тѣ, кто кричить, бранится, смѣется, - достигаютъ своей цѣли.

- Знаете ли, сказалъ я съ нѣкоторымъ уныніемъ. - Я наконецъ былъ бы радъ, еслибы вы были вполнѣ правы, то-есть еслибы мои письма въ самомъ-дѣлѣ не возбуждали никакого вниманія. Но дѣло кажется гораздо хуже, чѣмъ вы думаете. Почему-то, право не знаю, меня ославили какъ человека злобнаго и видятъ въ моихъ письмахъ одно порожденіе моей злости и свирѣпости.

- Неужели! воскликнулъ г. Страховъ.

Тутъ я рассказалъ ему всѣ тѣ печатныя заявленія, по которымъ я убѣдился въ своей позорной репутаціи.

- Сдѣлайте милость, сказалъ я въ заключеніе: - объясните мнѣ, отчего это такъ вышло, и какимъ образомъ мое пристрастіе къ логикѣ привело меня къ такому великому бѣдствію?

Выслушавъ меня очень внимательно, г. Страховъ задумался и какая-то двусмысленная улыбка показалась на его губахъ.

- Это интересно, заговорилъ онъ. - Признаюсь я не ожидалъ, чтобы ваши письма возбудили какой-нибудь отзывъ; но если они произвели дѣйствіе, то именно такое, какого должно было ожидать. Вы, какъ я вижу, очень наивно и простодушно смотрите на свое дѣло. Вы дивитесь, что въ логикѣ нашли злость? Но логика по сущности дѣла свирѣпа и никогда не была милостивою и снисходительною. Снисходительною можетъ быть жизнь, а не логика. Неужели вы не знали, съ какимъ опаснымъ оружіемъ вы обращаетесь? Если такъ, то недурно васъ предупредить. До сихъ поръ, сколько могу судить, вы не надѣлали еще никакой бѣды; но съ вашимъ пристрастіемъ къ логической строгости, съ вашимъ отвращеніемъ отъ логической нечистоплотности вы можете впасть въ большую опасность.

- Вы шутите! воскликнулъ я. - Какая же можетъ быть опасность въ строгихъ выводахъ и правильныхъ заключеніяхъ?

- Не въ этомъ дѣло! говорю вамъ серьезно. Не смотрите на вещи такъ легкомысленно. Легко можетъ случиться, что вы натолкнетесь на великій талантъ и великое сердце, однимъ словомъ на огромную духовную силу, и вмѣсто того, чтобы понять ее, взять ее въ ея цѣлости и глубинѣ, станете капризно прикидывать къ ней мѣрку вашихъ точныхъ силогизмовъ. Вы пуститесь проповѣдывать, какъ это было съ вами до сихъ поръ, что люди не индюшки, что Гегель былъ не помѣшанный, что нельзя уничтожить на свѣтѣ ни глупыхъ книгъ, ни глупыхъ людей, и т. п. и конечно вы будете совершенно правы; но вмѣстѣ съ тѣмъ на васъ ляжетъ великая вина, что вы не поняли всего объема той духовной силы, о которой рѣшились говорить. И тогда - горе вамъ! Чѣмъ яснѣе будутъ ваши аргументы, чѣмъ свирѣпѣе будетъ ваша логика, тѣмъ хуже для васъ, тѣмъ тяжелѣе ваша вина. Жизнь отмститъ вамъ за то, что

вы не прислушивались къ ея голосу, что отвернулись отъ нея, что вздумали наслаждаться чистымъ и яснымъ мышленіемъ, когда ей было не до того!

Съ ужасомъ выслушаль я эти слова, и признаюсь въ ту минуту не нашолся что возразить. Невольная тоска закралась въ мою душу. Я поспѣшилъ проститься и поѣхалъ домой. Давно уже была ночь, и въ темнотѣ Петербургъ имѣлъ самый гнусный видъ. Туманъ стлался по пустымъ и пустынно-широкимъ улицамъ. Фонари глядѣли сквозь него тускло и кроваво. Кое-гдѣ на перекресткахъ, какъ огромныя статуи, стояли городовыя. И вотъ все яснѣе и яснѣе я сталъ чувствовать, среди какой жизни мнѣ привелось жить, какою атмосферою я дышу, какой городъ меня окружаетъ. Давно уже знакомъ мнѣ Петербургъ. Сталъ я припоминать тысячи рѣчей и мнѣній, которыя мнѣ случалось слышать, всѣ эти убѣжденія и руководящія мысли, возбуждавшія споры, служившія предметомъ горячаго проповѣдыванія. Какой страшный хаосъ! Какія

изумительныя уродливости недоросшей, подавленной, изгибающейся мысли! Какія дикія, невѣроятныя формы! Какія антилогическія сплетенія и сочетанія! Но въ то же время я чувствовалъ, что чѣмъ безобразнѣе этотъ міръ тѣмъ кажется несправедливѣе прилагать къ нему мѣрку правильной и чистой мысли. Припоминая людей, которымъ принадлежали эти рѣчи, я невольно вспомнилъ, какъ часто они обнаруживали чистыя, благородныя чувства, какъ часто отъ нихъ вѣяло сердечной теплотою; передо мною какъ-будто мелькнули эти одушевленные лица, мелькнуло пламя этихъ глазъ, которыя я видѣлъ, и я понялъ, что въ глубинѣ этого туманнаго міра безобразныхъ мыслей все-таки скрываются горячіе источники жизни. Если же присутствіе этихъ источниковъ не обнаруживается правильными и чистыми явленіями, то виноваты не они, а та атмосфера, которая ихъ окружаетъ, гнетущая, смрадная, удушающая творческія біенія жизни. Вотъ отчего и литература, вмѣсто того, чтобы производить на своей

почвѣ стройныя и красивыя растенія, пораждаеть множество уродливыхъ и извращенныхъ формъ. Безумецъ тотъ, кто приступилъ бы къ этому міру съ требованіемъ правильныхъ формъ и мыслей, кто думалъ бы, что живя въ немъ, онъ можетъ наслаждаться такими формами и мыслями! Но еще болѣе безумецъ тотъ, кто сталъ бы упрекать этотъ міръ за его безобразіе, и вмѣсто сожалѣнія и сочувствія, казнилъ бы его сарказмомъ и презрѣніемъ!

Можетъ быть вы найдете, милостивый государь, что я употребляю нѣсколько рѣзкія выраженія, но таковы именно были мысли, которыя овладѣли мною, когда я возвращался отъ г. Страхова. Я пришолъ тогда въ то печальное расположеніе духа, которое съ нѣкотораго времени все чаще и чаще находитъ на меня. Вы помните конечно мое прежнее спокойное настроеніе, всегдашнюю ясность моего характера. Увы! Едвали имъ вернуться когда-либо! Меня глубоко поразили нѣкоторыя событія, всѣмъ памятыя. Первый ударъ моему

счастливому настроенію былъ нанесенъ закрытіемъ двухъ журналовъ - «Современника» и «Русскаго Слова». При моей извѣстной вамъ любви къ чтенію, при моей страсти къ литературнымъ наблюденіямъ, отсутствіе двухъ журналовъ не могло не показаться лишеніемъ. Но кромѣ того я былъ повергнутъ въ такое недоумѣніе, что долго не могъ опомниться и сообразить, въ чемъ дѣло. Представьте себѣ (я не найду лучшаго сравненія), что на глазахъ астронома вдругъ исчезла бы комета или планета, исчезла бы въ то самое время, когда онъ внимательно наблюдалъ ее въ телескопъ. Что долженъ бы почувствовать въ этомъ случаѣ астрономъ? Онъ вдругъ и самымъ очевиднымъ образомъ увидѣлъ бы, что онъ обманывался во всѣхъ своихъ расчетахъ и соображеніяхъ. Я такъ и подумалъ. Я призналъ, что мои статьи не имѣютъ никакого правильнаго значенія, я отказался отъ своихъ прямыхъ наблюдательныхъ пріемовъ и зачеркнулъ свои наблюденія, какъ ни къ чему пока не ведущія. На сей

разъ я поступилъ логически; я, милостивый государь, логикъ и слѣдовательно во всемъ ищу сущности; вы понимаете теперь, что я не могъ не отказаться отъ своихъ заключеній какъ скоро увидѣлъ, что сущность не въ нихъ. Боюсь одного, что въ настоящее время никакія усилія моей логики уже не могутъ открыть мнѣ существенной стороны дѣла.

Такое жестокое пораженіе моей логики не могло не огорчить меня. Но этимъ не кончилось. Послѣ того, какъ изъ солнечной системы нашихъ журналовъ исчезли двѣ планеты, я предполагалъ, что равновѣсіе остальныхъ планетъ будетъ нарушено. Я внимательно наблюдалъ ихъ и чтоже? Не обнаружилось ни малѣйшаго признака нарушенія равновѣсія. Все было тихо и перемѣна произошла совершенно незамѣтно. Новый ударъ моей логикѣ! Я принужденъ былъ убѣдиться, что наши журналы или вовсе не образуютъ системы, или составляютъ какую-то особенную систему безъ общаго центра тяготѣнія, странную систему, - въ которой есть

планеты, но нѣтъ солнца. И въ самомъ дѣлѣ, что всего удивительнѣе, въ журнальномъ мірѣ понемножку слышались даже звуки какого-то музыкальнаго согласія, чего-то вродѣ гармоніи міровъ, звуки, своею монотонностью наводящіе непреодолимую тоску. Присутствіе этой гармоніи положительно было заявлено многими; всего яснѣе ее замѣтилъ чуткій слухъ Н. Ф. Павлова. «Въ литературѣ и въ настроеніи общества», говоритъ онъ въ своемъ объявленіи, «произошла перемѣна». «Теперь въ нашемъ смыслѣ (т. е. въ смыслѣ Н. Ф. Павлова) говорятъ столько голосовъ, что мы боимся остаться назади и уступить имъ въ рвеніи».

Послѣ такихъ уроковъ, надѣюсь, вамъ будетъ понятно, что мною овладѣло уныніе. Разговоръ съ г. Страховымъ довершилъ его. Я сталъ мягкимъ и робкимъ и пришолъ въ необыкновенно мирное расположеніе духа до того, что даже насмѣшки на мой счетъ, попадавшіяся мнѣ въ журналахъ

нетолько не раздражали меня, но даже приводили въ нѣкоторое умиленіе.

Не будемъ ссориться, думаль я, не станемъ раздражаться одинъ противъ другого! Къ чему приступать другъ къ другу съ строгими, тяжолыми требованіями? Къ чему мѣрять нашу умственную жизнь слишкомъ большими мѣрками, которыя къ ней вовсе не идутъ? Положимъ, что мы очень дурно разсуждаемъ; зато мы прекрасно чувствуемъ. Пусть умъ нашъ производитъ уродливья несообразности; зато сердце наше пламенѣетъ любовью къ добру. Изъ-зачего же намъ расходиться? Не лучше ли соединиться какъ возможно тѣснѣе, пренебречь своими спорами и разногласіями и стремиться къ существенному - къ образованію одной великой нравственной силы?

Такъ думаль я, и въ этихъ мирныхъ мысляхъ сталь совершенно другими глазами смотрѣть на наши литературныя явленія. Я чувствовалъ къ нимъ нѣжность, которая переходила даже въ страхъ, въ

боязнь, что я не сумѣю оцѣнить въ нихъ хорошую сторону. Съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ брался я за каждый листокъ газеты, за каждую книжку журнала. Въ самой жестокой брани я видѣлъ слѣды тайной гуманности автора. Въ величайшихъ нелѣпостяхъ я умѣлъ находить самую незамѣтную черту добраго чувства, которое ихъ внушало. А вѣдь вы знаете, милостивый государь, что когда-то нелѣпость была для меня вещь жестокая, нестерпимая, непереваримая никакими средствами. Но тутъ я помирился и съ нелѣпостью. Вездѣ я слѣдилъ ту сокровенную живую силу, которая такъ или иначе но все-таки двигаетъ нашу литературу. Они не умѣютъ разсуждать, они ничего не знаютъ, часто думалъ я, но зато какъ много чувствуютъ!

Въ такомъ настроеніи духа я даже благополучно перенесъ статью «Современнаго слова»: Кто виновать? Я нашолъ, что въ этой статьѣ много правды, что она недурно написана; я твердо вѣрилъ, что она имѣетъ благороднѣйшую цѣль. И однакоже каждый разъ, когда я читалъ ее

(она появилась въ четырехъ нумерахъ газеты), глубокой стыдъ овладѣвалъ мною и я краснѣлъ до корня волосъ. Скажу прямо - я очень радъ, что эта статья написана и однакоже я кажется низачто бы не рѣшился самъ написать ее. Какъ объяснить вамъ это? Представьте себѣ оскорбленіе, которое почувствовалъ бы астрономъ, увидѣвши, что одинъ изъ его собратій играетъ роль астролога, и вмѣсто научныхъ наблюдений, составляетъ гороскопы. Или нѣтъ, еще хуже. Представьте себѣ съ какимъ чувствомъ можно смотрѣть на человѣка, который бы по принужденію и ради достиженія извѣстной цѣли, рѣшился бы публично бить по щекамъ свою мать. Положимъ что онъ билъ бы только для виду; положимъ, что многіе понимали бы, что он дѣйствуетъ по принужденію и что такое дѣйствіе необходимо; все-таки зрѣлище было бы отвращающее и тяжелое.

Вы можетъ-быть опять найдете, что я употребляю слишкомъ рѣзкіе образы; но таково именно было мое впечатлѣніе при тогдашнемъ чувствительномъ настроеніи. Я

старался однакоже пересилить чувство униженія, которое возбуждала во мнѣ эта тройная или четверная уродливость и наконецъ помирился со статьею, предполагая, что не легко было и тому, кто ее писалъ.

И вообще я сталъ больше жалѣть, чѣмъ осуждать. Поэтому я преимущественно сочувствовалъ мрачному тону; мнѣ нравилось все, въ чемъ проглядывала горькая иронія; и даже въ случаѣ веселыхъ разглагольствій я любилъ предполагать, что у автора тѣмъ неменѣе скребутъ кошки на душѣ. Увы, милостивый государь, вы понимаете, что подобное самообольщеніе не могло не нарушиться. Скоро я сталъ замѣчать, что нѣкоторые изъ нашихъ дѣятелей въ сущности чувствуютъ себя очень хорошо и многіе очень довольны собою; что они позволяютъ себѣ презирать другихъ и обходиться съ другими съ наглостью, а между тѣмъ ихъ презрѣніе основано только на дикой самоувѣренности и ихъ наглость на слѣпомъ самодовольствѣ. Я сталъ замѣчать, что у многихъ умъ вовсе

не томится и не тревожится, а напротивъ совершенно спокоенъ и чувствуетъ себя сытымъ; что вмѣсто неправильнаго и уродливаго, но все-таки живого движенія впередъ, онъ предпочитаетъ сидѣть неподвижно тамъ, куда его толкнула случайность, или кружиться на одномъ мѣстѣ, какъ котенокъ за своимъ хвостомъ. Однимъ словомъ мнѣ начала открываться обратная сторона дѣла. Вмѣсто живыхъ, хотя и извращенныхъ явленій, я увидѣлъ просто фальшивыя явленія, которыхъ источникъ не въ умѣ и сердцѣ, а въ лакейскомъ лицемѣрїи, въ раболѣпномъ подражанїи чужому уму и сердцу. И когда я замѣтилъ, что эти явленія имѣютъ однакоже силу, что они образуютъ авторитетъ, внушаютъ самодовольство, то мое мирное расположеніе духа опять поколебалось и во мнѣ опять стала пробуждаться моя старинная свирѣпость.

Такимъ образомъ, милостивый государь, во мнѣ постоянно происходитъ тягостная борьба между умиленіемъ и свирѣпостью. И я не вижу ей исхода и окончанія. Есть

люди, которые въ этомъ хаосѣ, именуемомъ россійской словесностью, плаваютъ свободно, какъ въ настоящемъ своемъ элементѣ, чувствуютъ себя хорошо какъ рыба въ водѣ. Я не принадлежу къ этимъ счастливымъ и постоянно наталкиваюсь на случаи, приводящіе меня въ уныніе и недоумѣніе. Расскажу вамъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ мнѣ кажется вполне, подтверждающіе правильность и законность моихъ колебаній.

Въ 39 № «Дня», г. Аксаковъ отнесся къ Петербургу и санктпетербургской литературѣ съ великой свирѣпостью и безъ малѣйшаго умиленія. Понятно что сначала я долженъ былъ почувствовать припадокъ нѣжности къ Петербургу и вооружиться противъ московскихъ нападковъ. И въ самомъ дѣлѣ, послушайте, что пишетъ г. Аксаковъ:

«Санктпетербургскія газеты толкуютъ много о либерализмѣ и демократизмѣ, но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, онѣ, со всею запальчивостью того деспотизма, который внесень Петербургомъ въ дѣло

нашего просвѣщенія и развитія, угнетаютъ насмѣшками, грубыми нападками, постоянными оскорбленіями самыя святыя чувства русскаго народа, свободу его вѣрованія, обычая, жизни. Ихъ либерализмъ является насиліемъ и тираніей въ отношеніи къ русскому народу. Для нихъ нѣтъ ничего завѣтнаго въ русской исторіи до Петра, въ этой «дикой Азіи нашего прошедшаго», какъ выражается «Современное слово». Все это очень естественно и понятно: иначе санктпетербургскія газеты и думать не могутъ; въ противномъ случаѣ они бы противорѣчили своему призванію, отрицали бы свой собственный принципъ, которому санктпетербургская пресса, надобно отдать ей справедливость, такъ вполнѣ вѣрна, такъ храбро служить!»

Сначала я оскорбился этими рѣчами и готовъ былъ отвѣчать на нихъ такъ: «О какомъ деспотизмѣ вы говорите? Не разумѣете ли вы подъ этимъ словомъ силу европейскаго знанія, авторитетъ науки? Такъ знайте же, что это власть законная,

непрерѣкаемая, святая, на которую никто не имѣетъ права жаловаться. Вы говорите объ угнетеніяхъ и насмѣшкахъ; но естественно, что наука не даетъ покоя невѣжеству, что насмѣшки колятъ въ глаза наше безобразіе. Этому нужно радоваться а не печалиться! И о какомъ либерализмѣ вы говорите? Либерализмъ санктпетербургской прессы есть отголосокъ европейскаго либерализма, того великаго либерализма, принципы котораго тамъ въ Европѣ нашли во многихъ случаяхъ свое осуществленіе и на которомъ мы всѣ воспитаны, на которомъ воспитаны вы сами, закоренѣлый и непоколебимый славянофилъ!»

Такъ думалъ я отвѣчать, но подумалъ и раздумалъ. Такъ можетъ отвѣчать только тотъ, кто смотритъ на вещи поверхностно и видитъ ихъ въ общихъ чертахъ. Я же къ несчастью слишкомъ подробно изучалъ петербургскую прессу, чтобы удовольствоваться такимъ общимъ взглядомъ. Къ несчастью мы не имѣемъ права говорить во имя науки и европейскаго либерализма, потому что у насъ очень мало

и того и другого, а есть у насъ въ изобиліи самобытные плоды, принесенные наукою и европейскимъ либерализмомъ на нашей петербургской почвѣ. Вкусъ и запахъ этихъ плодовъ я знаю, и вижу совершенно ясно, что слова г. Аксакова на этотъ разъ относятся именно къ этимъ плодамъ. Невольно мнѣ пришло на память множество случаевъ, множество подробностей - и я принужденъ былъ согласиться съ г. Аксаковымъ и рѣшился печально умолкнуть.

Я и молчалъ бы, еслибы г. Аксаковъ въ своей статьѣ не сказалъ далѣе жестокаго слова, которое показало мнѣ, какой слѣпой гнѣвъ имъ обладаетъ.

«Изъ всего сказаннаго ясно, - говоритъ онъ въ заключеніе, - что истинный либерализмъ и русское народное чувство невозможны для санктпетербуржца, если онъ санктпетербуржецъ не по одному мѣсту жительства, а по принципу имъ ясно сознаваемому.»

«Это былобы *contradictio in adjecto*, одно исключаетъ другое. Поэтому мы съ

своей стороны не только не даемъ никакой цѣны либерализму санктпетербургской прессы, но положительно ему не вѣримъ, точно также какъ и благоволенію санктпетербургскихъ газетъ къ русской народности...»

Вотъ упрекъ, котораго снести невозможно и который возмущаетъ своею жестокостью. Г. Аксаковъ не вѣритъ искренности нашихъ петербургскихъ убѣжденій! Его собственныя убѣжденія кажутся ему дотога святыми, что онъ не вѣритъ никакой святости другихъ убѣжденій; наши петербургскія убѣжденія кажутся ему до того нелѣпыми, что онъ не вѣритъ возможности держаться ихъ искренно и честно. Какой фанатизмъ! Какое непониманіе жизни! Не вѣритъ г. Аксаковъ! Но онъ забываетъ, что дѣло нимало не измѣняется отъ того, вѣритъ онъ или не вѣритъ. Онъ забываетъ, что закрыть глаза еще не значить уничтожить предметы, которые стоятъ передъ глазами. Г. Аксаковъ не можетъ не знать того, чему онъ старается не вѣритъ. Это странное

невѣріе можно сравнить только съ тѣмъ случаемъ, когда тотъ же г. Аксаковъ, ревнуя о православной вѣрѣ, пришолъ къ заключенію, что евреи не могутъ быть у насъ терпимы какъ члены гражданскаго общества. Какъ тогда онъ отлучалъ евреевъ, такъ теперь, ревнуя о народномъ духѣ, онъ отлучаетъ насъ, отлучаетъ петербургскую прессу.

Это ужасно, неправда ли? Но что вы скажете, милостивый государь, если я замѣчу, что санктпетербургская пресса не уступитъ московской въ ревности и слѣпотѣ? Вѣдь и у насъ нетерпимость считается похвальнымъ признакомъ опредѣленности направленія; если г. Аксаковъ не признавалъ евреевъ согражданами, то вѣдь и мы ставили г. Аксакова на одну доску съ г. Аскоченскимъ; если г. Аксаковъ не вѣритъ искренности нашихъ убѣжденій, то вѣдь и мы прямо и криво и всячески ввели на него упреки въ разныхъ противугражданскихъ свойствахъ. Такъ что собственно говоря, намъ обижаться нечѣмъ.

Мы заранее и съ избыткомъ отплатили ему за его высокомеріе и невѣріе.

Таковы черты того удивительнаго расположенія умовъ, въ которомъ мы находимся. Москва и Петербургъ одинаково щеголяютъ взаимнымъ непониманіемъ и взаимною враждою. Кто изъ нихъ лучше, рѣшить трудно; что касается до меня, то какъ я вамъ писалъ еще въ первомъ своемъ письмѣ, я несмотря ни на что, не теряю надежды на Петербургъ. Петербургъ мнѣ всегда представляется хаосомъ, въ которомъ бродятъ безчисленные элементы; онъ подобенъ планетѣ, которая быстро развивается и до времени покрыта странными чудищами. Москва же есть нѣчто пришедшее въ порядокъ; она подобна планетѣ, которая уже вполне развилась, и потому вполне довольна собою и своими обитателями.

Такъ какъ я стою за Петербургъ, то мнѣ всегда бываетъ прискорбно, когда онъ что-называется срамить себя передъ Москвою. Теперь вышелъ именно такой случай. Едва г. Аксаковъ успѣлъ произнести свое

отлученіе надъ петербургскою литературой, едва я успѣлъ проникнуться надлежащимъ гнѣвомъ противъ такого отлученія, какъ въ «Искрѣ» явилась статья, которая огорчила меня до глубины души и чуть ли не вполне оправдала г. Аксакова. Эта статья называется «Балаганчики Дня». Изобразить всю странность, всю хаотическую нескладицу этой статьи, я рѣшительно отказываюсь. Остановлюсь только на одномъ вопросѣ, который столь интересенъ самъ по себѣ, что трудно умолчать о немъ.

Въ 38 № «Дня» г. Аксаковъ сказалъ нѣсколько теплыхъ и свѣтлыхъ словъ о милостынѣ. Главная мысль статьи, по моему мнѣнію, необыкновенно правильна. Она состоитъ въ томъ, что истинная благотворительность, по самой сущности, должна быть дѣйствиемъ свободнымъ, которое совершается съ личнымъ участіемъ, потому что только въ такомъ случаѣ она будетъ дѣйствиемъ нравственнымъ, будетъ вполне удовлетворять идеѣ нравственности. На

этомъ основаніи г. Аксаковъ замѣчалъ, что какъ скоро помощь бѣднымъ не совершается свободно и сознательно, какъ скоро она производится административнымъ порядкомъ, посредствомъ подати и регламентаціи, она теряетъ часть своего нравственнаго достоинства, хотя можетъ быть очень полезною. И на оборотъ дѣйствія бесполезныя или можетъ-быть даже вредныя, какъ на примѣръ раздача милостыни, имѣютъ однакоже большое значеніе, потому что носятъ на себѣ нравственный характеръ благотворительности. Раздача милостыни, совершаемая на всемъ пространствѣ Руси, есть одно изъ средствъ, которымъ народъ удовлетворяетъ свою потребность чисто нравственныхъ дѣйствій.

При этомъ, само собою разумѣется, г. Аксаковъ не могъ не впасть въ нѣкоторыя увлеченія. Онъ вовсе не обращаетъ вниманія на вопросъ, не вредны ли для общества всякія чисто-нравственныя дѣйствія; если не вредны, то необходимо ли

они нужны и не может ли общество обойтись безъ нихъ? Такіе вопросы вѣроятно кажутся ему оскорбительными, и онъ говоритъ такимъ тономъ, какъ-будто хочетъ сказать: нравственныя дѣйствія должны быть совершаемы ради нравственности; а что изъ этого будетъ, все равно, хотя бы разрушился міръ!

Благородное увлеченіе! Но нѣтъ ли здѣсь неправильнаго энтузіазма, который фальшивить, потомучто въ немъ вовсе нѣтъ нужды? Зачѣмъ напрасно геройствовать, мечтая о разрушеніи міра, когда міръ и не думаетъ рушиться? Чисто-нравственныя дѣйствія, какъ прямое слѣдствіе самой природы чловѣка, никакимъ образомъ не могутъ быть ни неизбежно вредными, ни совершенно лишними для общества людей. Напротивъ идеаль благополучнаго общества можно себѣ представить не иначе, какъ предполагая, что всѣ отношенія членовъ этого общества превратились въ чистонравственныя отношенія. Когда разсуждаютъ объ обществѣ, то многіе представляютъ себѣ, что оно сложено изъ

людей такъ, какъ зданіе изъ камней. Если зданіе красиво и держится крѣпко, то это не зависитъ отъ кирпичей, изъ которыхъ оно состоитъ, а только отъ архитектора. Онъ расположилъ камни такъ, что каждый изъ нихъ крѣпко опирается на однихъ и самъ служитъ прочною опорой для другихъ, а всѣ вмѣстѣ образуютъ правильное цѣлое. Поэтому камни не имѣютъ никакой заслуги, а вся заслуга принадлежитъ архитектору. Вотъ отчего въ такую славу вошли многіе архитекторы, составлявшіе красивые планы для общества. Но почетъ, имъ оказываемый, нѣсколько преувеличенъ: эти строители все-таки люди, а не особья существа. И матерьяль, изъ котораго они брались строить, напрасно былъ разсматриваемъ такъ презрительно: этотъ матерьяль не камни, не кирпичи, а люди. Поэтому общественное зданіе должно представлять себѣ не иначе, какъ предполагая, что каждый камень въ немъ сохраняетъ за собою достоинство чловѣка. Слѣдовательно каждый камень самъ

занимаетъ свое мѣсто и держится на немъ сознательно, а не вслѣдствіе цемента и давленія. Если же такъ, то чѣмъ сознательнѣе и свободнѣе дѣйствуетъ каждый членъ общества въ отношеніи къ другимъ, тѣмъ оно будетъ крѣпче и правильнѣе, тѣмъ меньше будетъ опасности, что какой-нибудь камень изъ него выпадетъ и разобьется. Только при общемъ сознательномъ взаимодействіи возможно благоустройство между людьми. Тотъ оскорбляетъ человѣческую природу, кто воображаетъ, что можно устроить благополучное человѣческое общество, безъ содѣйствія его сознанія и свободы; а не это ли обидное предположеніе дѣлаетъ тотъ, кто говоритъ, что развитію благополучія въ обществѣ нужно предпочитать развитіе нравственности?..

Но, мнѣ кажется, я увлекся; я вѣдь хотѣлъ рассказать вамъ про статью «Искры». Вы меня извините, что я нѣсколько распространюсь объ ней. Я знаю, что противъ «Искры» существуетъ предубѣжденіе: ей не отвѣчаютъ, и ея

статьи не считаются подлежащими разбору. Но мнѣ мало до этого дѣла: случай вышелъ слишкомъ любопытный и я чувствую въ себѣ безпощадное расположеніе къ анализу.

Уже во вступленіи статья беретъ фальшивыя ноты, которыя подѣйствовали на меня раздражительно.

«День», говоритъ она, - продолжаетъ открывать давно открытую Америку, т. е. наивно выдавать за что-то новое вопросы, давно рѣшонные и всѣмъ извѣстные, или берется за перевершеніе вопросовъ науки, рѣшонныхъ умами первой величины, не примѣчая того, что онъ вовсе не перевершаетъ этихъ вопросовъ, а только путаетъ дѣло.»

Быть можетъ вы найдете, что это очень простыя слова; но я вамъ скажу, что на первой страницѣ «Искры» они имѣютъ видъ возмутительный, почти преступный. Замѣчу вообще, что всякій разъ, когда я встрѣчаю въ нашихъ журналахъ ссылку на науку, я прихожу въ невольное безпокойство. Здѣсь же я сейчасъ готовъ приступить къ

строжайшему допросу. Чѣмъ это вы насъ пугаете, достопочтенная «Искра»? Что это за вопросы давно рѣшонные и всѣмъ извѣстные? Что это за умы первой величины, которыхъ касаться воспрещается умамъ второй и всякой другой величины? Что касается до вопросовъ, давно рѣшонныхъ, то чѣмъ давнѣй они рѣшены, тѣмъ хуже для нихъ. Что касается до вопросовъ, рѣшеніе которыхъ всѣмъ извѣстно, то я позволю себѣ вовсе усомниться въ существованіи такихъ вопросовъ, особенно же для васъ. Наконецъ что касается до умовъ первой величины, то я требую, чтобы умъ, который мнѣ указываетъ на такіе умы, самъ бы не былъ какой-нибудь сто-двадцатой или сто-тридцатой величины, а иначе я отправлю его куда-нибудь подальше, вмѣстѣ съ его указаніями. Рѣшонные вопросы! великіе умы! Такъ вотъ за какія оружія берется нынче «Искра»? Кто бы могъ ожидать, что она начнетъ наконецъ проповѣдывать поклоненіе авторитетамъ и возставать

противъ непокорности, которую имъ оказываютъ!

Между тѣмъ дѣло дѣйствительно такъ.

«Г. Аксаковъ - пишетъ она - отстаиваетъ ту московскую благотворительность, которая раздачею мѣдныхъ пятаконъ и грошей нищимъ на улицахъ поддерживаетъ тунеядство, пьянство, развратъ, ханжество. Такъ какъ современная, экономическая наука всѣми силами вооружается противъ подобнаго неразумнаго деморализированія общества, то г. Аксаковъ стремится потрясти основы самой науки. Вотъ онъ каковъ!»

Вы видите (признаюсь вамъ, это глубоко меня возмущаетъ), что наука здѣсь служить прямо авторитетомъ, что ея имя произносится здѣсь съ такимъ же удареніемъ и вѣсомъ, какъ еслибы говорилъ самъ «Русскій Вѣстникъ». Вотъ неожиданное совпаденіе!

За этимъ въ «Искрѣ» слѣдуетъ выписка изъ «Дня», которую, ради достоинства самого отрывка, я приведу цѣликомъ, безъ урѣзокъ, сдѣланныхъ «Искрою».

«Практикъ Іуда, - какъ гласить евангельское сказаніе, съ такою властью живущее и такъ неослабно-благоухающее въ душевной памяти каждаго, кто бы онъ ни былъ, если только читаль онъ евангеліе, - практикъ и политико-экономъ Іуда, видя святой порывъ Маріи, съ стремительностью женскаго сердца отдавшейся любви къ божественной истинѣ, и расточительно изливавшей дорогое міро на ноги Учителя, сдѣлалъ замѣчаніе совершенно практическаго и политико-экономическаго свойства. Онъ выразилъ мнѣніе, повидимому совершенно справедливое, что подобная трата многозначительной цѣнности вовсе не производительна; онъ основательно доказалъ, что міро, будучи проданнымъ, дало бы столько-то барыша, принесло бы такую-то сумму, которая могла бы быть съ немалою пользою употреблена на нищихъ. Кажется, чѣмъ же неправъ былъ Іуда Искаріотъ (въ душу котораго, вспомнимъ, еще не входилъ тогда умыселъ предательства), Искаріотъ, напоминавшій о бѣдныхъ,

противопоставлявшій неосмотрительнымъ движеніямъ умиленнаго сердца логическіе выводы разсудка и безрасчетной блакости соображенія пользы и практической благотворительности?.. Христось однако не отвергъ приношеній Маріи, не отнялъ у нея свободы въ выраженіяхъ вѣры и радости, и повидимому безцѣльная, безразсудная расточительность чистой, святой, пламенѣющей любви, тѣснямая отовсюду расчетами житейской мудрости, нашла себѣ убожище у ногъ Христа, подъ покровомъ его милосердія...»

«Намъ часто приходитъ на память этотъ практицизмъ Іуды, въ наше практическое время. Нельзя не поразиться сходствомъ вышеприведенныхъ соображеній павшаго апостола съ ученіемъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ политико-экономовъ, которые всѣ нравственныя побужденія чловѣка переводятъ на языкъ математическихъ формулъ, всякое добро опредѣляютъ вѣсомъ и мѣрой, не признаютъ никакого другого двигателя въ чловѣчествѣ, кромѣ выгоды, и подчиняютъ (въ теоріи) этому

кумиру всѣ произволенія нравственной природы человѣка. По доктринѣ Мальтуса, Смита и другихъ выходитъ, что не благоустроенное хозяйство существуетъ ради человѣка, а наоборотъ человѣкъ, со всѣми своими нравственными запросами, приносится въ жертву отвлеченному принципу и имѣетъ значеніе только какъ рабочая сила, какъ часть благоустроеннаго механизма.»

Нельзя не согласиться, что сравненіе, выбранное г. Аксаковымъ мѣтко, рѣзко, что вопросъ рисуется въ немъ выразительно и глубоко. И вы ясно видите какъ смотритъ г. Аксаковъ на милостыню. Онъ вовсе не безусловный ея защитникъ. Онъ сравниваетъ ее съ міромъ Маріи, онъ называетъ ее безцѣльною, безрасудною расточительностью, но онъ оправдываетъ ее, когда она есть неосмотрительное движеніе умиленнаго сердца, когда она служитъ выраженіемъ чистой, святой любви.

Что же отвѣчаетъ на это «Искра»? На этотъ разъ она сочла удобнымъ сдѣлать голую ссылку на авторитеты и, вмѣсто того,

чтобы говорить о дѣлѣ, начинаетъ говорить о политико-экономахъ.

«Ожидали ли - пишетъ она - Мальтусъ, Смитъ и другіе политико-экономы, посвятившіе свою жизнь добросовѣстному служенію науки на благо человѣчества, что найдется когда-нибудь литераторъ, не изъ дерзкихъ, недоучившихся юношей, а литераторъ вполне доучившійся, снабженный многочисленными дипломами, который поставитъ ихъ на одну доску съ Иудою Искаріотомъ?»

«Читатель видитъ - побѣдоносно продолжаетъ «Искра» - сколько въ этомъ сопоставленіи безобразія, натянутости, пустого словоизверженія».

Покаместъ я думаю, читатель ровно ничего не видитъ, кромѣ громкихъ словъ, кромѣ безцеремонно-явнаго желанія запугать именами и фразами всякаго, кто рѣшился бы

...Смѣть

Свое сужденіе имѣть.

Глубоко огорчают меня подобныя вещи, милостивый государь. Чистосердечное раболѣпство передъ именами, передъ авторитетами въ наукѣ и въ чемъ бы то нибыло, еще можетъ быть прощено слабости человѣческой; но раболѣпство злостное, но употребленіе всеу именъ великихъ умовъ, служенія наукѣ и т. д., есть дѣло никакъ непростительное.

Вы можетъ быть спросите, почему я такъ думаю; вы можетъ быть возразите, что авторъ разбираемой мною статьи написалъ предъидущія строки совершенно искренно, что онъ вѣроятно глубоко изучилъ Смита и Мальтуса, питаетъ величайшее уваженіе къ наукамъ вообще и къ политической экономіи въ особенности, что онъ обидѣлся сравненіемъ ученыхъ съ Іудою Искаріотомъ можетъ быть даже потому, что и самъ онъ желаетъ посвятить свою жизнь добросовѣстному служенію науки на благо человѣчества?

Счастливы вы, отвѣчу я вамъ, если можете еще питать такія смѣлыя и пріятныя предположенія. Что касается до меня, то я

считаю болѣе основательнымъ предполагать, что автору, о которомъ идетъ рѣчь, вовсе неизвѣстны какія бы то нибыло научныя изслѣдованія, относящіяся къ настоящему вопросу. Доказательствомъ этому служить то, что ни въ предъидущихъ, ни въ дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ о милостыни нѣтъ ни одного изъ тѣхъ доводовъ, которыя противъ нея приводятся въ наукѣ. Ссылаясь на Смита и Мальтуса, онъ самъ не знаетъ на что ссылается, - таково мое печальное заключеніе. Дальше, какъ вы увидите, онъ старается привести доводы противъ милостыни, но то, что онъ говоритъ, не имѣетъ никакого отношенія къ наукѣ и не можетъ быть судимо съ научной точки зрѣнія. Какъ я уже говорилъ, науки у насъ нѣтъ, или очень мало; и то, что я буду сейчасъ разбирать, есть не научныя, не политико-экономическія или какія-нибудь другія мнѣнія, а просто петербургскія, или если хотите санктпетербургскія разсужденія, то-есть образчикъ тѣхъ плодовъ, какіе принесли сѣмена

европейскихъ книгъ на нашемъ родимомъ ингерманландскомъ болотѣ.

Съ вашего позволенія я возьму всю аргументацію «Искры» цѣликомъ.

«Дѣйствительно ли, (такой вопросъ задаетъ себѣ статья) ручная благотворительность, состоящая въ раздачѣ таскающимся по улицамъ нищимъ пятаконъ и мѣдныхъ грошей, (каково опредѣленіе! И вы могли подумать, что это лежало подлѣ Мальтуса и Смита!) возбуждаетъ чувство, поражаетъ, по выраженію г. Аксакова, процессъ нравственныхъ ощущеній, переживаемый какъ дающимъ, такъ и принимающимъ даяніа, благотворныхъ для обоихъ, очищающихъ душу, хотя бы и на время, вводящихъ ее въ общеніе съ вѣчною благостію, зиждущею міръ?»

Чтобы доказать, что нѣтъ, статья разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Если вы человѣкъ нѣсколько развитый и встрѣчаете на улицѣ нищаго - полубосога, полуодѣтаго, голоднаго, можете ли вы успокоиться, сунувъ ему въ руку мѣдный пятакъ или грошь?»

Конечно нѣтъ, отвѣчаетъ читатель, пораженный трогательной картиной. Я не могъ бы успокоиться и тогда, еслибы онъ былъ не полубосой, а въ крѣпкихъ сапогахъ, еслибы я не сунуль, а вѣжливо подаль ему, и не мѣдный грошъ, а блестящій двугривенный послѣдняго чекана. Но постарайтесь, милостивый государь, соблюсти нѣкоторое хладнокровіе. Замѣчаете ли вы куда мы заѣхали съ перваго шагу? Вопросъ «Искры» предлагается людямъ развитымъ и вѣроятно, какъ мы дальше увидимъ, богатымъ. А развѣ о нихъ было дѣло? Г. Аксаковъ говорилъ о милостыни, которую подаетъ народъ, т. е. эти десятки миллионовъ, которые за малыми исключеніями и не развиты и не богаты; онъ говорилъ на примѣръ о тѣхъ подаяніяхъ, которыя дѣлаются ссыльнымъ и арестантамъ; вотъ въ этихъ-то сердцахъ г. Аксаковъ ручался за присутствіе нравственнаго процесса, а не въ сердцахъ развитыхъ людей, довольствующихся раздачею пятаковъ. Простому человѣку

простительно не знать ни Мальтуса, ни Смита, и онъ конечно можетъ успокоиться, подавая нищему можетъ-быть свой послѣдній грошъ, послѣднюю лишнюю копѣйку. Но о такихъ случаяхъ «Искра», какъ видно и думать не хочетъ. Чтобы судить о нравственныхъ явленіяхъ, она непременно беретъ людей развитыхъ; а у неразвитыхъ, помилуйте, какая же тамъ нравственность, какіе нравственные процессы!

И вотъ обращаясь къ развитымъ людямъ, «Искра» держитъ такую рѣчь:

«Вѣдь этотъ нищій - говоритъ она - вашъ братъ, членъ одного съ вами общества. Онъ имѣетъ полное право быть и сытымъ, и одѣтымъ, и обутомъ какъ и вы.»

Что значить развитые люди! Какими сладкими рѣчами они угощаютъ другъ друга! Что касается до неразвитыхъ, то тамъ подобныя рѣчи показались бы можетъ-быть слишкомъ наивными и простыми. Они, эти неразвитые, давно и крѣпко знаютъ, что всѣ люди братья: у нихъ никто другъ за друга не смотритъ

особенно свысока, и у всѣхъ равныя права. Тамъ нищаго не презирають, а обходятся съ нимъ какъ съ ровнею. Тамъ именно существуетъ мысль, что съ точки зрѣнія любви - всѣ равны и милостыня дается не только бѣднымъ, но и преступникамъ, убійцамъ.

Посмотримъ, какъ должны поступать люди развитые.

«Если ваше участіе къ нему (къ нищему, подробно описанному выше) не припадокъ пустого тщеславія, не прихоть играющаго въ гуманность барства, а истинно-человѣческое чувство, - вы увидѣвъ его разъ на улицѣ, не можете оставить тутъ. Вы должны ввести его въ свой домъ, одѣть его, обуть, дѣлать съ нимъ вашъ столъ дотолѣ, пока вы поставите его въ возможность имѣть все это самому.»

Вотъ она - истинная гуманность! Даже на бумагѣ читать это очень пріятно, а не только видѣть на самомъ дѣлѣ. Одно жаль - бѣднымъ людямъ плохо приходится. Дать грошъ или пятакъ - запрещается; не позволять пожалуй и цѣлковый рубль.

Сейчасъ скажутъ - припадокъ тщеславія, прихоть играющаго въ гуманность барства! А ввести въ свой домъ, одѣть, обути, - вѣдь это не всякій можетъ. Иному самому едва въ силу прокормиться и одѣться.

Чтоже касается до насъ съ вами, милостивый государь, то мы обязаны замѣтить, что «Искра» очевидно витаетъ въ облакахъ. Она вообразила, что проповѣдуетъ какую-то неслыханную, высокоразвитую мораль, а между тѣмъ эта самая мораль исполнялась и исполняется у насъ въ огромныхъ размѣрахъ. Изъ древности богатые люди у насъ не только раздавали деньги нищимъ, но вводили ихъ в свои дома, кормили ихъ, поили и одѣвали. Еще недавно не было почти ни одного достаточнаго дома, гдѣ бы не жили нахлѣбники и приживальщицы. Только чтоже изъ этого выходило? Разумѣется тоже, что и изъ раздачи денегъ, такъ какъ это было продолженіе одной и тойже системы. Принятіе нищихъ въ домъ, держаніе нахлѣбниковъ и приживальщицъ было точно также вредно, какъ и уличная

раздача денег; говоря словами «Искры», оно поддерживало тунеядство, пьянство, развратъ, ханжество. Употребляя выраженіе г. Аксакова, это была безразсудная расточительность, въ которой результаты не соотвѣтствовали намѣренію и въ которой намѣреніе заслуживаетъ большого почтенія и искупаетъ собою результаты.

Чтоже такое послѣ этого предлагаетъ намъ «Искра»? Ужь не скрывается ли въ ея словахъ какой-нибудь высшій смыслъ? Повидимому нѣтъ; повидимому она находитъ великую разницу между введеніемъ въ домъ и подачею пятака и думаетъ, что въ этомъ весь секретъ.

«Сунуть нищему - говоритъ она - мѣдный грошъ или пятакъ и затѣмъ уйти отъ него, бросивъ его на улицѣ, значить не имѣть не только никакого истинно-человѣческаго чувства къ нему, а просто - насмѣхаться надъ его положеніемъ.»

Если эти слова относятся дѣйствительно къ милостынѣ, то они очень дики. Но авторъ говоритъ одно, а на умѣ у него

совсѣмъ другое. Слѣдите прилежно за игрою его воображенія. Ему кажется представляется мильонеръ, котораго умоляютъ о помощи и который подаетъ грошъ.

«Развѣ - продолжаетъ «Искра» - пришедши разъ въ нищенство, онъ (нищій) вашимъ пятакомъ или даже двадцатью пятаками, которые онъ получитъ въ день отъ подобныхъ вамъ милосердыхъ людей, можетъ поправиться и прійти въ прежнее независимое положеніе? Если же вы не имѣете въ виду привести его въ это положеніе, то что же по вашему мнѣнію всякій нищій? Субъектъ, назначенный вамъ вѣчною благодію для упражненій вашихъ въ добродѣтели милосердія?»

Эхъ баринъ! сказалъ бы я думаю на это иной простой человѣкъ. Больно ужъ вы высоко берете, больно ужъ разносились съ вашимъ независимымъ положеніемъ. Тутъ иногда думаешь о томъ, какъ бы человѣкъ не умеръ съ голоду, не замерзъ съ холоду, а вамъ вотъ непременно подавай независимое положеніе. И за что вы меня

корите и стыдите? Съ чего вы взяли, что я ему не желаю этого положенія, что я не имѣю этого въ виду? Я радъ бы всею душою. Понять не могу, чѣмъ помѣшалъ тутъ мой пятакъ. Что его мало - я самъ знаю; но у насъ говорится: съ міру по ниткѣ - голому рубашка. Потому я и подаю грошъ или пятакъ, что знаю - весь міръ подастъ и нищій будетъ на это сытъ. И самъ нищій это знаетъ и не обижается моимъ трудовымъ грошомъ. По вашему это и выходитъ общественная благотворительность, почти таже подать, только собираемая безъ писарей и становыхъ, а съ крестомъ и молитвою. Не я одинъ кормлю нищаго: его кормитъ міръ. Ему оттого легче, чѣмъ еслибы кто одинъ помогаль ему; тотъ пожалуй попрекаль бы его каждой коркой хлѣба. А что мірское подаяніе скудно, такъ и это не всегда правда; бывали нищіе, которые набирали тысячи и десятки тысячъ рублей.

Мы съ вами, милостивый государь, разумѣется будемъ говорить иначе. Мы примемъ во вниманіе спутанность мыслей

автора и постараемся открыть, что за идея смутила его воображеніе. Повидимому онъ желаетъ, чтобы каждый имѣлъ независимое положеніе; онъ хочетъ чтобы нищему не давали денегъ, или хлѣба, или чего другого, а постарались бы привести его въ независимое положеніе. Вотъ наконецъ, скажете вы, гдѣ авторъ явно приближается къ доктринѣ Мальтуса и Смита. Не думаю, чтобы такъ. Едвали напимѣрь онъ знаетъ, что для того, чтобы каждый былъ въ независимомъ положеніи, лучшее средство - устроить общество такъ, чтобы безъ независимаго положенія не было возможности и жить на свѣтѣ. Пусть тѣ, кто потерялъ независимое положеніе, подвергаются величайшимъ лишеніямъ и опасности умереть съ голоду. Тогда и только тогда всѣ будутъ изо всѣхъ силъ стараться приобрѣсти и сохранить это положеніе. Такъ думаютъ многіе политико-экономы и въ этихъ мнѣніяхъ есть своего рода смыслъ. Они не безъ основанія говорятъ, что если вы дадите людямъ возможность существовать внѣ

независимаго положенія, то сейчас же найдутся люди, которые воспользуются этою возможностью. Политико-экономы того мнѣнія, что люди, вообще говоря, большіе подлецы и всегда готовы пожить на чужой счетъ. Они утверждаютъ, что если вы усилите частную благотворительность, то вмѣстѣ увеличите число лицъ, которые будутъ ею жить, а если учредите общественную благотворительность, то ею воспользуются еще легче, еще охотнѣе, на томъ самомъ основаніи, по которому украсть изъ казны не считается такимъ грѣхомъ, какъ украсть у частнаго человѣка. Слѣдовательно чѣмъ больше будетъ благотворительность, тѣмъ меньше будутъ люди дорожить независимымъ положеніемъ. И вотъ почему политико-экономы, тоже полагающіе свой идеаль въ независимомъ положеніи, отвергають всякую благотворительность.

Мнѣ кажется они послѣдовательны. Благотворительность по самой сущности дѣла состоитъ въ томъ, что одинъ человѣкъ принимаетъ на себя трудъ, необходимый

для другого, слѣдовательно люди при этомъ неизбежно приходятъ въ зависимое положеніе. Такимъ образомъ благотворительность и независимое положеніе суть вещи, вытекающія изъ совершенно различныхъ источниковъ. Стремленіе къ благотворительности основывается на любви и довѣріи, стремленіе къ независимому положенію - на эгоизмѣ и опасеніи. Если главною пружиною общества, главнымъ двигателемъ въ человѣкѣ признается эгоизмъ, то благотворительность должна быть отвергнута, потому что цѣль благотворительности не можетъ состоять въ развитіи эгоизма. Нельзя сказать: благотворите, т. е. доставьте каждому возможность жить эгоистомъ, независимо отъ другихъ. Гораздо послѣдовательнѣе политико-экономы; они говорятъ: не благотворите и тогда всѣ будутъ эгоистами.

Нашъ авторъ очевидно и не подозрѣваетъ, что политико-экономы отвергають не одну частную благотворительность; онъ не подозрѣваетъ,

что они гораздо послѣдовательнѣе и строже его въ своихъ выводахъ и что вслѣдствіе этой болѣе строгой послѣдовательности они отвергають всякую благотворительность безъ исключенія. Этой точки зрѣнія для него, какъ кажется, и несуществуетъ.

«Возьмемъ дѣло, пишетъ онъ, съ другой стороны. Какой человѣкъ, если он только немножко развитъ и привыкъ жить своимъ трудомъ, можетъ безъ чувства самага тяжолага униженія, безъ внутренняго содроганія, безъ краски на лицѣ протянуть руку, чтобы принять милостыню?»

Ну, сейчасъ видно, что бѣлоручка! Жить на чужой счетъ, ему ничего; а руку протянуть - стыдно. Препустой народъ!

Въ самомъ дѣлѣ, замѣтьте милостивый государь, что картина опять перемѣняется. Прежде авторъ сдѣлалъ благотворителя человѣкомъ развитымъ, теперь онъ дѣлаетъ развитымъ и нищаго, и слѣдовательно заставляеть просить развитого человѣка у развитого же. Ужасная картина! Представьте себѣ, что человѣкъ развитой, привыкшій жить въ независимомъ

положеніи и пользоваться правомъ точно также ѣсть, пить и одѣваться, какъ и вы, протягиваетъ руку къ вамъ, къ человѣку развитому, но не потерявшему своего богатства. Вы имѣете возможность вдругъ, сейчасъ привести его въ независимое положеніе, такъ что онъ попрежнему будетъ жить своимъ трудомъ. И вдругъ вы суете ему мѣдный пятакъ! Ужасная картина! Сколько злобы въ этомъ пятакѣ! Какая ехидная насмѣшка! Какое униженіе!

«И при подобныхъ неестественныхъ, нечеловѣческихъ отношеніяхъ дающаго и принимающаго, восклицаетъ «Искра», какого можно ожидать въ нихъ процесса нравственныхъ ощущеній, очищающихъ душу, и вводящихъ ее въ общеніе съ вѣчною благодію, зиждущею міръ? Тутъ напротивъ одинъ играетъ роль палача, а другой жертвы.»

Вотъ оно куда пошло! Трагедія да и только!

Но куда же наконецъ мы заѣхали? Въ какой-то очарованный міръ, въ которомъ всѣ развиты, всѣ привыкли къ

независимому положенію, всѣ могутъ взять нищаго къ себѣ въ домъ и такъ или иначе привести его снова въ независимое положеніе, и проч. и проч. Пусть въ этомъ мірѣ совершаются чудеса нравственности, пусть въ немъ милостыня есть стыдъ и преступленіе. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что мы, живущіе совсѣмъ не въ такомъ мірѣ, уже вовсе лишены нравственности? Развѣ отсюда слѣдуетъ, что въ нашемъ народѣ, въ дѣлахъ его благотворенія невозможенъ никакой процессъ нравственныхъ ощущеній?

А между тѣмъ вѣдь этого, а не какого другого заключенія добивается «Искра!»

«Только при варварствѣ и грубости человѣческаго рода, заключаетъ она, при общемъ неурядицѣ его общественной жизни могъ возникнуть подобный (т. е. ручной чтоли?) способъ благотворительности.»

Хоть этого вы намъ недоказали нисколько, ни на одну іоту, положимъ однакоже, что такъ. Положимъ, что современемъ онъ замѣнится какимъ-нибудь

неизмѣримо превосходнѣйшимъ способомъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что въ древнемъ способѣ милостыни нѣтъ нравственнаго начала и есть хотя бы тѣнь безнравственности?

Этимъ я и кончу.

Замѣтите, милостивый государь, съ какою поразительною ясностію здѣсь обнаруживается безобразіе извѣстнаго, очень распространеннаго направленія мыслей. Еслибы авторъ напалъ на нелѣпость народныхъ понятій, еслибы онъ не признавалъ ничего свѣтлаго въ народномъ міросозерцаніи, - это было бы понятнѣе; еслибы онъ не сумѣлъ найти никакого достоинства въ произведеніяхъ народнаго творчества, въ народной музыкѣ, поэзіи и проч., это было бы простительнѣе. Но отвергать нравственный элементъ въ народной жизни, но не видѣть его въ такомъ простомъ и чистомъ явленіи, какъ милостыня, - хуже этого ничего не можетъ быть. Дальше этого въ презрѣніи или лучше сказать въ легкомысліи къ народу идти нельзя.

Повидимому подобная статья способна возбудить величайшее негодование. Но авторъ такъ ужъ хватилъ черезъ край, что скорѣе заслуживаетъ сожалѣнія. Что до меня, то я былъ бы очень непослѣдователенъ, еслибы не простилъ его отъ всей глубины души. Нужно судить его съ той самой точки зрѣнія, съ которой мы судили о милостыни, нужно цѣнить не столько самое дѣло, сколько доброе намѣреніе. А что намѣренія автора были прекраснѣйшія, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Вѣдь онъ сострадательно думалъ о нищихъ! Онъ желалъ того блаженнаго состоянія, когда ихъ вовсе не будетъ! О прекрасный, чувствительный, гуманный человѣкъ!

Я поэтому именно и выбралъ эту статью для письма къ вамъ, что она показалась мнѣ разительнымъ примѣромъ того, какъ прекраснѣйшія намѣренія соединяются съ самымъ плохимъ исполненіемъ. Примѣръ же нуженъ потому, что подобныхъ статей, подобныхъ разсужденій, подобныхъ авторовъ у насъ великое множество.

Будемъ же благодушны, какъ благодушень рускій челоуѣкъ, подающій милостыню всѣмъ: и правымъ и виноватымъ; положимъ, что нѣкоторые изъ этихъ авторовъ не говорятъ ни одного путнаго слова, все-таки скажемъ имъ спасибо за ихъ доброе желаніе, простимъ имъ много, потомучто они много возлюбили!

Въ частности, что касается до «Искры», то я не имѣю противъ нея ничего, сколько-нибудь враждебнаго. Говорю это не изъ боязни ея насмѣшекъ. Помилуйте! Прекрасный журналъ! Приносящій весьма много пользы! Имѣющій хорошее направленіе! «Гудокъ» конечно острѣе, но и «Искра» хороша! Очень хороша! Укажу хоть на пародіи на князя Вяземскаго: онѣ доставили мнѣ величайшее удовольствіе!

Если же несмотря на то, иногда очень грустно читать наши журналы, какъ грустно иногда дѣлается при видѣ нищихъ у церквей, или гдѣ-нибудь на большихъ дорогахъ и въ далекихъ селахъ, то причина этому не въ томъ, чтобы милостыня была

безнравственна или чтобы у насъ не было журналовъ съ прекрасными намѣреніями.

Н. КОСИЦА
